

66.4(0)я2
М41
СА-394690



МЕГАТRENДЫ

Под редакцией
Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова



АСПЕКТ ПРЕСС

Московский государственный
институт международных отношений (университет)
МИД России

МЕГАТRENДЫ

ОСНОВНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

МИРОВОГО ПОРЯДКА В XXI веке

Издание третье,
исправленное, дополненное и переработанное

Под редакцией

доктора политических наук *Т. А. Шаклеиной*
кандидата политических наук *А. А. Байкова*

*Рекомендовано Федеральным учебно-методическим
объединением в системе высшего образования
по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки
41.00.00 — «Политические науки и регионоведение»
в качестве учебника для магистрантов и аспирантов,
обучающихся по специальностям «Международные отношения»,
«Политология», «Зарубежное регионоведение»*

✓

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
Государственное бюджетное
учреждение культуры
2022
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

са - 394690

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мегатренды: 40 лет спустя. Предисловие к 3-му изданию	7
---	---

Раздел 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Глава 1.	Мегатренды и глобальные проблемы: константы и новеллы предметного поля	13
Глава 2.	Мировой порядок в XXI веке: консолидация полицентричности	21
Глава 3.	Роль государства в парадигме общественного развития в XXI веке	41
Глава 4.	Глобальное управление полицентричным миром: субъекты, архитектура, иерархия проблем	57
Глава 5.	Эволюция среды международной безопасности в контексте ренессанса междержавного соперничества	83
Глава 6.	Феноменология глобализации	105
Глава 7.	Международные научно-технологические отношения	121
Глава 8.	Политическая экономия мирового развития	143

Раздел 2

КЛЮЧЕВЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

Глава 9.	Международная интеграция в теоретическом дискурсе	165
Глава 10.	Современные конфликты: типология и особенности	181
Глава 11.	Становление глобального рынка труда и его международно-политические последствия	203
Глава 12.	Цифровая трансформация национальных экономик	219
Глава 13.	Ядерное сдерживание в современной мировой политике	241
Глава 14.	Цифровая революция и новые цифровые рынки: конкуренция технологических платформ	271
Глава 15.	Мировые энергетические тренды	284
Глава 16.	Диффузия экологических норм как глобальное явление	307

Глава 1

МЕГАТРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: КОНСТАНТЫ И НОВЕЛЛЫ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

Появление курса «Мегатренды и глобальные проблемы» в базовом компоненте федеральных государственных образовательных стандартов для учащихся магистратуры не случайно. Во многих отношениях место этого курса в структуре подготовки магистров-международников — одно из центральных. «Мегатренды» — «синтетическая», интегральная дисциплина. В ее предметных полях соединяются — на базе ранее полученных студентами знаний и умений — важнейшие вопросы и проблемы науки о международных отношениях и практики их реального развития, осмысление и адекватный анализ которых возможен только при условии ознакомления с огромным комплексом литературы и материалом специализированных предметов. И только — вследствие приобретения учащимся панорамного, системного взгляда на международные отношения во всей их сложности и многомерности, невозможного без предварительного и глубокого изучения истории международных отношений и их основных теорий. Вот почему качественное освоение, как представляется, возможно только на принципиально ином — магистерском — уровне образования.

Мегатренды — это крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа мирового развития. Речь идет о трансформации, переходе от одной эпохи к другой, от одного порядка к другому.

В своей эпохальной книге «Мегатренды» Дж. Несбитт писал о периоде «паузы» в трансформации мира, когда происходил трансформационный переход от одной эры к другой, новой. И хотя период трансформации всегда содержит элементы неопределенности, именно в этот период открываются новые возможности. Дж. Несбитт отмечал, что многое зависит от того, сумеем ли мы верно оценить возникающие вызовы, ответить на встающие вопросы и использовать все имеющиеся возможности: «Если мы узнаем, как использовать имеющуюся неопределенность в своих интересах, то мы сможем добиться больших результатов, нежели во времена стабильности»*.

* Книга Джона Несбитта «Мегатренды» вышла в свет в 1982 г. и сразу стала национальным бестселлером, вызвала широкие дискуссии в академических и политических кругах не только Соединенных Штатов, но и других стран. Анализируя ситуацию в Америке, предсказывая ее будущее, в частности

Глава 6

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Понятие экономической глобализации возникло в последней четверти XX в., но уже к началу XXI в. стало одним из наиболее употребляемых понятий при анализе развития мирового хозяйства и характеристике отдельных форм международных экономических отношений. Этот феномен ученые начинали изучать в связи с глобализацией рынков и обострением глобальных проблем человечества, однако за два-три десятилетия глобализация стала ассоциироваться с самыми разными процессами в общественной жизни, часто выходящими далеко за пределы сферы экономики. В качестве иллюстраций можно назвать проблемы постепенного формирования системы глобального управления или же вопросы, связанные с развитием движений антиглобалистов. Отказ от сугубо экономического анализа позволил научному сообществу установить противоречивость процессов глобализации. Нелинейность динамики даже экономической глобализации подтвердили мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшие за этим трансформации в мировом хозяйстве. Вместе с тем уже к концу 2010-х годов стало ясно, что, несмотря на обозначившийся ряд возвратных тенденций, в целом экономическая глобализация нигде не исчезает: это та реальность, с которой нам всем предстоит жить в обозримой временной перспективе. В то же время вызванный пандемией коронавируса *COVID-19* очередной масштабный экономический кризис, по-видимому, добавит знаний о многогранности феномена глобализации.

Волны интернационализации

До появления термина «глобализация» в научной среде в ходу были понятия интернационализации и мондиализации. Резкое возрастание роли внешнеэкономических связей в хозяйственной жизни большинства стран и заметное «уплотнение» мирового пространства вследствие развития новых средств связи в 1980–1990-х годах также не было чем-то уникальным. По крайней мере, ученые быстро напомнили общественности о подобных взрывных процессах взаимосвязанности накануне Первой мировой войны. В результате *после нескольких лет активных сугубо академических и научно-популярных дискуссий термин «экономическая глобализация» стали применять для характеристики современного этапа интернационализации мирового хозяйства.*

В этом вопросе отличия в позициях экспертов заключались главным образом в том, считать ли нынешний этап интернационализации уникальным в силу наличия многих новых характеристик, включая появление действительно единого мирового хозяйства (которого не было даже в 1980-х годах в условиях довольно

Глава 9

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Интеграция — один из важнейших глобальных политических и экономических трендов. С одной стороны, он связан с объединением ресурсов и борьбой за лидерство, с другой — с добровольным самоограничением свободы действий государств посредством преференциального сотрудничества.

Начавшись как смелый эксперимент в Западной Европе в 50-х годах XX в., в 1980–1990-х интеграция вышла далеко за рамки Европы и породила интеграционные блоки в Северной и Латинской Америке, Восточной и Южной Азии и на пространстве СНГ. Глобальный тренд стал для исследователей стимулом к столь же глобальному осмыслению.

Истоки интеграционных концепций

В исследованиях ряда российских специалистов¹ истоки современных интерпретаций интеграции возводятся к общественным наукам XIX в., хотя в те годы о межгосударственном сращивании в его нынешнем понимании речь не шла. Тем не менее протоинтеграционные концепции существовали. У них было два источника.

Во-первых, термин «интеграция» был заимствован у естественных наук. Их интервенция в научное знание о человеке и обществе произошла на волне увлечения гипотезой Ч. Дарвина (1809–1882) о происхождении видов². Работа с одноименным названием была опубликована в 1859 г. и представляла собой канонический с точки зрения методологии проведения естественно-научного исследования труд. Колоссальный массив эмпирических данных, накопленных в ходе многолетних полевых наблюдений, дополнялся фундаментальными теоретическими обобщениями. Однако небольшой резонанс работа Ч. Дарвина возымела в связи со своей отчетливой социальной ориентацией. Рассуждая о происхождении видов вообще, Дарвин не проводил принципиального различия между животными, растениями и человеком. Более того, возможно, одним из первых он применил в качестве способа познания социальной реальности принцип изоморфизма — признания наличия элементов логического подобия между естественными и общественными явлениями, допустив, что развитие человека протекает по тем же алгоритмам, что и развитие всех других живых существ.

⇒ Дарвинизм, обнаружив способность объяснять явления, которые до него трактовались в духе религиозной картины мира, на десятилетия превратился в матрицу мышления просвещенных слоев западноевропейского общества.

Глава 10

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: ТИПОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Центральная тема теории международных отношений — проблема неопределенности мотивов поведения государств. Она проистекает из не постигнутой до конца природы человеческого сознания и многосоставной структуры мотивации поведения людей. Как показывают исследования, прогнозирование международных отношений в современной науке по-прежнему затруднено, несмотря на экспансию когнитивных наук и инструментария «больших данных» в поле исследований мотивов человеческого поведения¹. Неадекватность социально-гуманитарного знания о человеке и государстве сочетается с разрушительностью военных потенциалов человечества, способного в ходе конфликта уничтожить себя несколько раз. Этот неразрешимый парадокс приводит ученых к неутешительной констатации: «Бог дал физике легкие проблемы»².

Усугубляет ситуацию то, что современная международная политическая система пришла в движение. Политические лидеры и исследователи международных отношений переживают субъективное ощущение глубокой дестабилизации мира. Происходит прогрессирующее ослабление структуры международных отношений — не только и не столько в институциональном плане, сколько в более широком значении устойчивых силовых балансов, социальных норм и представлений, статусных иерархий и образов действия³. Хотя анархичность всегда была имманентным свойством международных отношений, она с новой силой дает о себе знать после очень продолжительного периода, когда мировая политика была высокоструктурированной в виде советско-американской конфронтации.

Структурный кризис создает условия для обострения международных конфликтов. Это имеет двойное проявление. *Во-первых*, возрастает стратегическая автономия игроков, прежде всего держав средней величины, которые имеют достаточно ресурсов для проведения самостоятельной внешней политики. *Во-вторых*, в условиях структурного кризиса затрудняется внешнеполитическое целеполагание. Распространенность провокаций, информационных и вооруженных, нарушение привычной дипломатической коммуникации, стирание грани между внешней и внутренней политикой, между внешнеполитической стратегией и тактикой представляют собой симптомы этого кризиса. Популярность понятий «постправда» или «гибридный конфликт» говорит о неспособности государств обнаружить твердую почву, на которой можно строить рациональную и долгосрочную внешнеполитическую стратегию, а также о неспособности исследователей выработать понятийный аппарат, подходящий для концептуализации существующего положения дел.

Эта глава посвящена исследованию подходов к анализу мотивов сторон современных международных конфликтов.

Глава 15

МИРОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Вмировой энергетике происходят фундаментальные сдвиги. Речь идет о системных изменениях технологических основ отрасли. Эта часть мировой экономики стоит на пороге энергетического переворота, в основе которого переход от индустриальной энергетики к постиндустриальной.

Это важно

Если индустриальная энергетика базировалась на сжигании ископаемого топлива, транспортируемого на большие расстояния, на потреблении больших объемов энергии, то энергетика постиндустриальная основана на энергии возобновляемых источников энергии (атомной), децентрализации источников и потребителей, эффективном использовании сравнительно небольших потоков энергии.

Факторы изменений и глобальные вызовы энергетических рынков

Влияние на развитие энергетики сегодня оказывает целый ряд факторов. Помимо возобновляемых источников энергии, которые преподносятся как основа будущей энергетики, существенный вклад начинают вносить: распределенная генерация, цифровизация экономики, декарбонизация энергетики и вообще промышленности, внедрение систем хранения энергии (аккумуляторы, топливные элементы), переход на электромобили и, конечно, энергосбережение и повышение энергоэффективности. Все это особенно актуально для России, потенциал энергосбережения которой достигает 40%¹.

Современное развитие мировой энергетики происходит под влиянием двух процессов — быстрого роста индустриальной энергетики (и потребления ископаемого топлива) в развивающихся странах и постепенного перехода развитых стран к постиндустриальной энергетике. Одним из ключевых в развитии энергетики является экологический фактор. В рамках международных экологических соглашений (Киотский протокол и посткиотские договоренности), национального экологического законодательства создаются правовые и экономические механизмы, направленные главным образом на стимулирование процесса перехода к энергетике нового типа. Как отмечают российские исследователи, «под влиянием изменений в энергополитике и развития новых технологий мир входит в этап 4-го энергетического перехода к широкому использованию возобновляемых источников энергии и вытеснению ископаемых видов топлива.

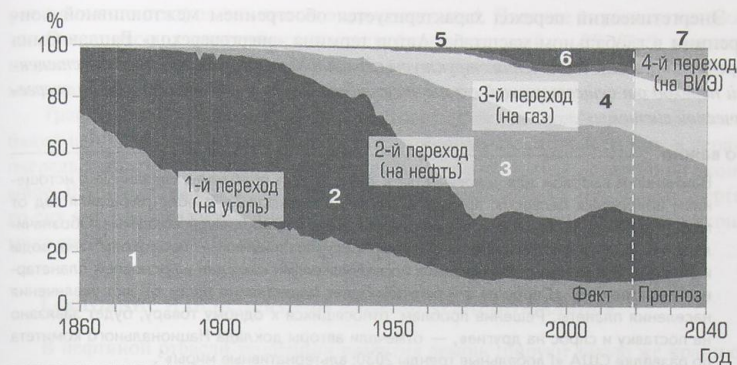


Рис. 1. Изменение структуры мирового первичного энергопотребления по видам топлива со второй половины XIX в.

Источники: ИНЭИ РАН, Центр энергетики МШУ «Сколково» / Новый этап четвертого энергетического перехода. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/epr/374/9335671.htm>.

Однако темпы этих изменений и скорость перехода связаны с высокой неопределенностью².

Первый энергетический переход происходил от биомассы к углю. В ходе этого процесса доля угля в общем объеме потребления первичной энергии с 1840 по 1900 г. увеличилась с 5 до 50%. Уголь стал основным источником энергии индустриального мира.

Второй энергетический переход связан с переходом потребления от угля к нефти, доля потребления которой выросла с 3% в 1915 г. до 45% к 1975 г. Доминирование нефти в мировой энергетике завершилось в 70-х годах прошлого века нефтяным кризисом.

Третий энергетический переход привел к широкому использованию природного газа. Его доля выросла с 3% в 1930 г. до 23% в 2017 г. за счет частичного вытеснения угля и нефти.

На этапе четвертого энергетического перехода, в отличие от предыдущих трех, основными направлениями развития станет декарбонизация экономики — сокращение промышленного применения нефти, газа, угля и переход к использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также борьба с глобальным изменением климата³. Движущей силой становится не столько экономическая эффективность и привлекательность новых источников энергии, сколько качественно новый фактор — декарбонизация и борьба с глобальным изменением климата (рис. 1).

Глава 16

ДИФфуЗИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ*

Доминирующий в России подход к вопросам охраны окружающей среды довольно противоречив, если не сказать — парадоксален. С одной стороны, налицо крайне незначительная — во всяком случае, для индустриально развитой страны — вовлеченность широкой общественности в обсуждение и практическое решение экологических проблем. Она дополняется недостаточной развитостью сети общественных организаций (НПО), занимающихся вопросами охраны окружающей среды, все более детальным государственным регулированием деятельности НПО вообще (в особенности получающих зарубежное финансирование), подозрительностью, проявляемой российскими медиа в отношении примеров внешнего *неполитического* (так называемого гуманитарного) лоббирования как такового и экологического лоббирования в частности, а также отсутствием согласия в российском научно-аналитическом сообществе по поводу влияния изменений климата на будущее отечественной экономики. В то время как одни эксперты, признающие сам факт таких климатических метаморфоз, предпочитают основной упор на грядущие преимущества и выгоды, другие — и вовсе ставят под вопрос антропогенное происхождение наблюдаемых изменений природной среды.

С другой стороны, невозможно игнорировать впечатляющий свод весьма жестких экологических норм, принятых в нашей стране в 1990-х и 2000-х годах; неуклонное участие Москвы в основных международных договорах по вопросам защиты окружающей среды, а также открытое признание правительством, с опорой на статистические данные, того факта, что в вопросах экологии Российская Федерация в настоящее время сталкивается с острейшими вызовами, требующими незамедлительных действенных мер.

Несмотря на наличие весьма обширной литературы по политикоформирующей роли международных правительственных и неправительственных организаций с дифференциацией по сферам деятельности, влиянию, принципам и целям¹, реальное влияние этих субъектов на принятие решений уровня отдельных стран представляется пока не вполне изученным. Американские политологи Марта Финнемор, Маргарет Кек и Кэтрин Сиккинк сквозь аналитическую линзу конструктивистского подхода сумели раскрыть условия, при которых происходит трансграничная диффузия норм. В этой связи они сфокусировались на разнообразии субъектов, включенных в реальную выработку политики (понимаемой как формулирование и реализация правил и норм допустимого поведения на государственном, межгосударственном и надгосударственном уровнях). Описание транснациональных сетей убеждения (*transnational advocacy networks, TAN/TCN*)² также проливает свет на механизмы и природу динамики межсубъектного транс-

Глава 22

РОЛЬ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

Начало XXI в. стало непростым периодом для международных отношений. Большинство сфер межгосударственного взаимодействия оказалось затронутым многомерными процессами, связанными с трансформацией мирового порядка¹.

Становление новой системы международных отношений проходит неравномерно, встречает сопротивление государств, привыкших доминировать на мировой арене и в силу этого отчасти потерявших навык переговорной работы, которая предполагает учет интересов партнера и готовность к уступкам. С другой стороны, не прекращается рост экономического и военно-политического веса новых игроков (прежде всего из числа региональных держав), их стремление к более активному участию в принятии решений по ключевым вопросам общемировой повестки дня. Все это вносит свои коррективы в порядок коллективного взаимодействия на международной арене и урегулирования региональных кризисов. В результате происходит «дробление» конфликтов на участки пересечения интересов глобальных и региональных игроков, делает их развитие непредсказуемым, а урегулирование — еще более сложным. Волатильность развития кризисов становится результатом прямой вовлеченности региональных государств, с их разнонаправленными интересами, специфическим опытом и своеобразными методами реагирования на проблемные ситуации. При этом методология урегулирования вооруженных региональных конфликтов, которая соответствовала бы изменившимся реалиям, пока не найдена.

В зоне турбулентности в упомянутый период оказался Ближний Восток, исторически находящийся на пересечении интересов глобальных и региональных держав. Начиная с 2011 г. во многих его странах вспыхивали массовые волнения. Протестующие требовали демократизации общественно-политической жизни, либерализации экономической сферы, прекращения произвола специальных служб, уважения базовых прав и свобод человека.

Данные процессы, получившие в журналистско-экспертной среде название «арабской весны» (*Arab Spring*), охватили целый ряд государств Ближнего Востока и Севера Африки, население которых устало от неэффективных методов управления и авторитарного стиля правящих элит. В некоторых странах народные выступления привели ко внутривластным изменениям (Тунис, Египет). В других — к полному переформатированию государственного «облика» в результате

Глава 23

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ АРЕАЛЕ

Международные отношения на постсоветском пространстве продолжают характеризоваться незавершенностью процесса перехода к новым принципам региональных взаимодействий, при том что страны региона непосредственно вовлечены в процессы формирования мирового порядка либо напрямую затрагиваются ими. С созданием в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) начался новый этап в соотношении интеграционной и дезинтеграционной тенденций, что проявляется не только в связях между отдельными государствами, но и в изменении постсоветских границ под влиянием как внутривнутриполитической нестабильности, так и вмешательства внерегиональных игроков.

Казус интеграции на постсоветском пространстве: факторы сближения и отталкивания

Своего рода наследием ситуации 1990-х годов на постсоветском пространстве является параллельное функционирование разных как по географическому и тематическому охвату, так и по глубине сотрудничества многосторонних структур. Содружество Независимых Государств (СНГ) — первая многосторонняя организация на постсоветском пространстве — получает все меньше экспертного внимания после формирования устойчивого интеграционного ядра в виде ЕАЭС. Максимальный для постсоветского пространства географический охват СНГ, из которого с момента создания вышла пока только Грузия после военного конфликта с Россией в 2008 г., судя по всему, уже не соответствует внешне- и внутривнутриполитическим приоритетам государств региона. Тем не менее организация продолжает функционировать в сфере поддержания необходимых культурных, социальных и экономических взаимосвязей, оставаясь страховочной сеткой, не позволяющей отношениям в гуманитарных областях деградировать ниже приемлемого уровня.

История создания и деятельности СНГ иллюстрирует двойственную роль этой организации в контексте международных отношений на постсоветском пространстве. В учредительных документах СНГ и в соглашениях, подписанных за первые годы его существования (1992–1994), предпочтение отдавалось термину «интеграция». Очевидно, сказывался «демонстрационный эффект» западноевропейского опыта. Вместе с тем, хотя тогда говорили об интеграции, на деле осуществлялись *процессы дезинтеграции существовавших ранее структур*. Более того, характерные для первой половины 1990-х годов постоянные аллюзии на опыт западноевропейской интеграции заложили основы искаженного видения ситуации постсовет-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**